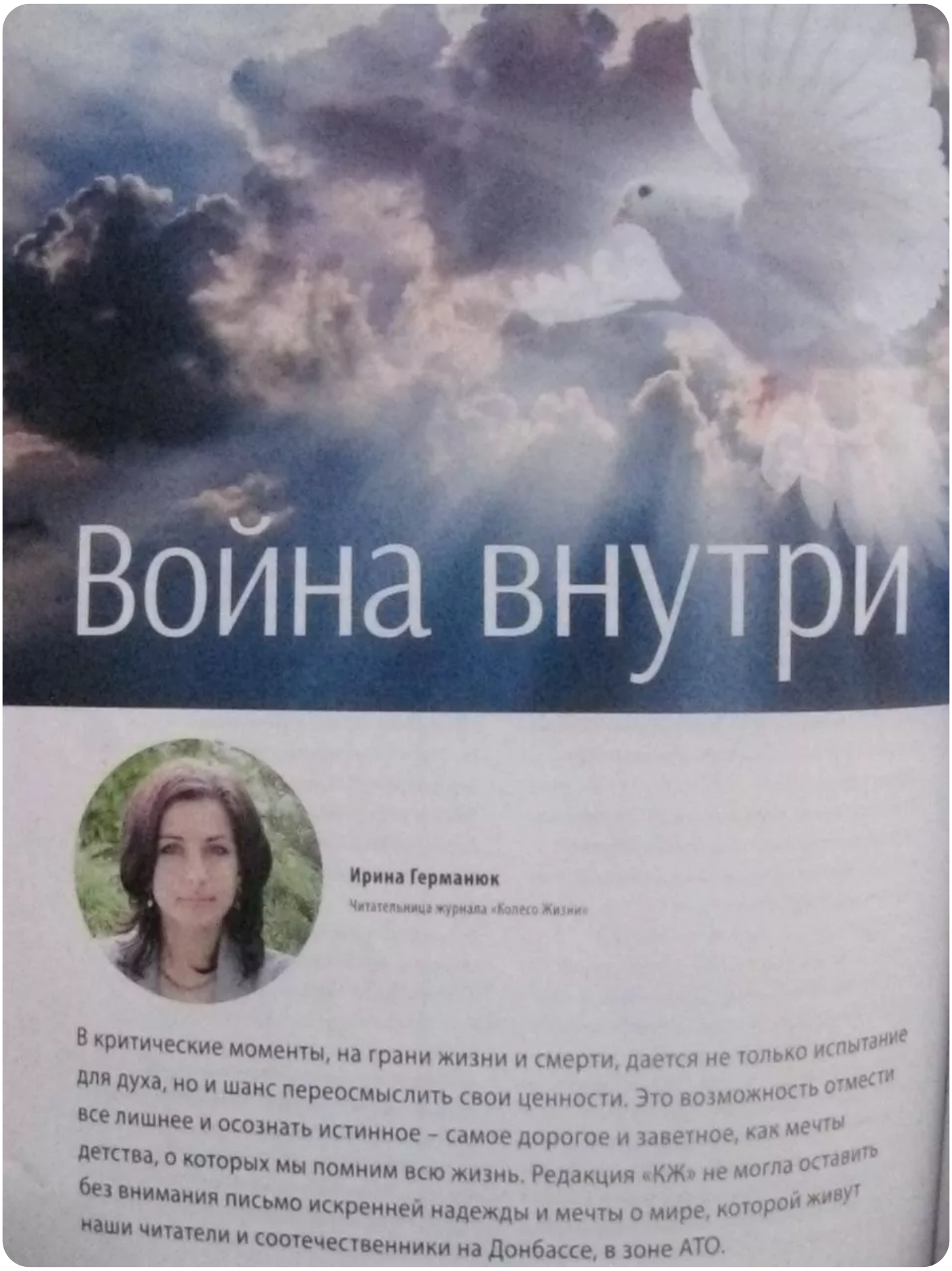


Война внутри

Жанр произведения: О войне

Произведение написал автор BookBox Ирина Германюк

Ссылка на публикацию

Особенность каждой войны в том, что в нее никогда не веришь до конца. Она может быть частью истории, частью чьей-то иной жизни, фрагментом из книги, новостным поводом для сюжета о других городах, странах, мирах, галактиках… Но вот чтобы так, за окном, сразу у твоего дома, в твоем доме… в тебе… - нет, такого быть не может.

Со мной тоже такого быть не могло. Не могло и, теперь кажется, что это все фарс, или фальшь, или мистика какая-то. Только не война. О войне рассказывают книги, фильмы и …ветераны. Ты слушаешь, вздрагиваешь, сопереживаешь, затем отряхиваешь слезинки историй с ресниц и участливо обнимаешь старика… – всё. На этом война как будто снова уходит в лету. А ты живешь дальше, укутанный ворохом своих повседневных хлопот и обязанностей.

Вот ты озадачен тем, что купить к ужину, хлопочешь, чтобы успеть засадить огород овощами, навестить родных в соседнем городе, собрать ребенка в школу, сбегать к стоматологу… Или еще проще, вот ты впопыхах перед выходом на работу спешишь допить свой утренний кофе, как вдруг… твою самую привычную обыденность прерывает резкий взрыв. «БАХ!» - раздается за окнами или где-то совсем рядом с тобой. Потом еще один – «бах»… потом два …три… тридцать… И ты сиюминутно забываешь обо всех своих планах, делах и потребностях. Ты хватаешь в охапку какие-то вещи, документы, паспорт, который теперь всегда лежит где-то под рукой, иногда даже в хлебнице. Там точно под рукой! Или – нет. Ты бросаешь всё и бежишь за телефоном, деньгами и тянешься к полке за свечами и спичками. Где-то был фонарик (но, как назло, без батареек… Запоминаешь, что нужно при случае купить батарейки, – батарейки и еще один фонарик). Даешь себе слово, что если в этот раз пронесет, то непременно соберешь «тревожный сундучок», сборы которого уже тысячу раз откладывал, действуя по принципу «зонтика» - если зонт взял, то дождя, конечно, уже не будет. Но тут не дождь. Тут – град. И это вовсе не стихия. Стоп, ребенок плачет. Какой град, какой дождь, какие фонарики – ребенок плачет! И вот ты уже бросил все, что было в руках, забыл о чемоданчиках и батарейках и тщетно пытаешься развеселить заплаканного ребенка, изображая перед ним комедию и уверяя, что из-за окон доносятся звуки праздничного салюта по поводу мнимого дня рождения детской куклы. Ты тащишь ребенка в ванную, где, по твоему мнению, безопаснее, уговариваешь поиграть в какую-нибудь игру и продолжаешь фантазировать на тему, почему так весело когда стены твоего дома сотрясаются от салютов. Между тем, за окнами все громче и чаще

раздаются ужасающие «Бах-БАХ!». И ты судорожно хватаешь пледы и детскую обувь, полагая, что, возможно, придется покинуть это сомнительное укрытие в ванной и бежать в подвал соседнего дома. Там надежнее. Даже есть свет! По пути успеваешь прихватить бутылочку с водой и зачем-то хлеб. А в мыслях хаотично перебираешь все возможные сюжеты развития ситуации, отгоняя самые пугающие и одновременно пытаясь дать реальную оценку происходящему. При этом не перестаешь слушать.

Ты слушаешь так, будто способностью слышать в этот момент наделены не только уши, но все твое тело. Впитываешь звуки. Весь твой организм пропитан звуками и вздрагивает каждый раз, когда очередное нечто приземляется где-то совсем рядом.

«Это не к нам, это не к нам, это не к нам… » - бубнишь себе под нос словно мантру, чередуя ее со обрывками молитв. Между тем пытаешься понять, далеко падают снаряды или близко, «сюда или отсюда»… Оцениваешь степень угрозы и сам не замечаешь как, зажмурив глаза и прижавшись к стене, стоишь с ребенком на руках и боишься сделать вдох. – Стихло. Слышно только биение сердца. Оно стучит так громко, будто взрывы происходят в нем. Кровь пульсирует с неистовством и безумием. Ты в опасности? Все закончилось? Тишина надолго? Можно выйти?.. – Десятки вопросов сыплются на тебя, а ты продолжаешь неподвижно стоять и слушать, пока испуганный твоим непонятным поведением ребенок, наконец, не вырывается из чрезмерно крепких объятий.

Стихло. Неуверенно выходишь в комнаты и смотришь в окно. Видны столпы дыма. Ждешь звонков от знакомых, кто-то непременно позвонит спросить как ты. Но всякий раз боишься взять трубку телефона, а вдруг дурные новости, вдруг этот дым, этот крах, этот снаряд… коснулся их. Торопишься опередить и звонишь сам, сообщить что ты в порядке. Уже через несколько минут, если конечно есть связь, сдерживаешь слезы, потому что если не твои, то кто-то рядом с ними, по соседству, через дом, где-то в соседнем селе, на другой улице… кто-то из случайных прохожих, какой-то старик, ребенок, гулявший на улице… Кладешь трубку и утешаешь своего – «Стихло. Слава Богу, у нас стихло». Рука тянется за какими-то пилюльками, то ли сердечное, то ли гомеопатия от нервов. Они уже незаметны, но ты понимаешь, что все твои струны на пределе. Надо как-то расслабиться.

Звонишь другу выговориться. Выслушиваешь его сам. Рука снова тянется к каким-то пилюлям. В последние несколько лет сложно найти в Донецке семью, в которой кто-то не был бы болен. И речь даже не о ранениях или увечьях, а так… В каждой семье кто-то не пережил… Инфаркты, инсульты, нервные срывы,

онкология… - разум отказывается принимать такую действительность и протестует, дает сбои.

Способы утешения придумываешь самые невероятные. Чтобы снять напряжение готов верить. Уверяешь себя в том, что страдают те, кто не верит, кто отчаялся и разуверился, но ты же – ты веришь! В военном городе верит большинство. Это заметно по окнам домов и квартир. Почти в каждом втором – образа. Они смотрят на тебя из чьего-то жилья и как будто предупреждают – у нас все хорошо, если вы – война, вам не сюда. Идите прочь! Иконы, повернутые лицом на улицы, словно вглядываются в лица чужаков и защищают от снарядов. Такие случаи были. Дом лег, а стена стоит. А на стене икона. Как не поверишь. Достаешь те, о которых и сам забыл, или покупаешь еще одну и аккуратно выставляешь своего стража на подоконник. Молишься. И уже почти не страшно.

Крестами и паутинами на большинстве окон в жилых домах переплетаются ленты скотча, защищающего стекла от дробления при взрывной волне. По вечерам в окнах включается свет. Видишь, что таких окон чуть больше половины. Черные прямоугольники наталкивают на какую-то безнадегу и одиночество, и, приходя домой, ты включаешь свет во всех комнатах, зажигаешь маячки надежды для тех, кто, смотря в чужие окна, просто надеется увидеть в них свет. Темные же прямоугольники угрюмо молчат о судьбах своих хозяев. Кто-то уехал, спасаясь от войны, кто-то сам ушел ей навстречу. Многие не вернутся в родные стены. А у кого-то больше нет ни стекол, ни окон, ни стен.

Зато оживились те, у кого ни домов, ни стен, ни человеческого облика не осталось еще задолго до войны. Люди без места жительства теперь смело спекулируют на военной теме. Попрошайничая на улицах, давно не стесняются приписывать себе чужие беды: «Был ранен в сражениях… имею раненую мать и троих детей…», а в глазах туман, такой же очевидный, как и запах алкогольного перегара. Коллеги по бордюру время от времени обмениваются информацией и снова расходятся по своим пунктам. Прохожие жалеют, жертвуют. Битый небитого везет. Ну, а кому сейчас легко. Милосерднее надо быть. Война.

Но когда стихает канонада, ты снова пытаешься абстрагироваться и с головой погружаешься в жизнь. Дела-дела… суета, хлопоты. Чем больше дел, тем меньше времени на дурные мысли. Уже не обращаешь внимания на людей в форме, на изуродованные осколками дома, на воронки в земле, на страшилки об очередных жертвах и пустую болтовню в транспорте, сулящую еще более смутное будущее. Ты живешь. Иногда вздрагиваешь от малейшего шороха и грохота. При первой мысли об опасности снова хватаешься за вещи первой необходимости и всякий раз, выходя из дома в облачную погоду, берешь с собой зонт. Говорят, если зонт взял, дождя наверняка не будет… - ни дождя, ни

«града»...